



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 267–272

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 267–272

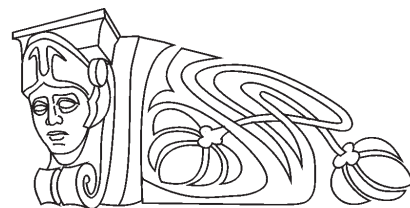
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-267-272>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+811.161.1

Языковые особенности повести о Выдропусской иконе Божией Матери



П. Д. Садыков

Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации, Россия, 101000, г. Москва, ул. Жуковского, д. 16

Садыков Петр Дмитриевич, ведущий специалист, psadykov@natlang.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3502-4507>

Аннотация. Для второй половины минувшего века характерно усиление интереса к литературе Древней и Средневековой Руси. Начиная с 40-х гг. появилось большое число фундаментальных исследований, посвященных различным произведениям допетровского времени. Это внимание сопровождалось и более глубоким изучением самого церковнославянского языка: его орфографии, морфологии и, конечно же, лексики, о чем свидетельствует начатая в 70-е гг. работа по составлению словаря русского языка XI–XVII вв. Но, к сожалению, многие литературные памятники до сих пор остаются вне внимания ученых. В данной статье будет представлен краткий обзор языковых особенностей агиографического произведения конца XVI столетия – повести о Выдропусской иконе Божией Матери. Прежде всего, внимание будет уделено стилистическим особенностям, к которым прибегал автор сказания, используемой лексике, морфологической и синтаксической специфике. Все это будет сопоставлено с происходящими в то время в языке и литературе изменениями. При этом в качестве источников выделяются агиографические и гимнографические тексты, из которых нередко черпали содержательный материал авторы житийных произведений. Изучение подобного рода вопросов позволяет представить более детальную картину происходящих в русской литературе изменений и господствующих в ней тенденций в избранный период. Особенно когда исследуемый памятник является малоизученным, поскольку позволяет ввести в научный оборот новые сведения.

Ключевые слова: церковнославянский язык, лексика, морфология, агиография, литературные памятники Средневековья, Выдропусская икона Божией Матери

Для цитирования: Садыков П. Д. Языковые особенности повести о Выдропусской иконе Божией Матери // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 267–272. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-267-272>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Linguistic features of the narrative about the Vydropus Icon of the Mother of God

P. D. Sadykov

The Federal Institute of Native Languages of the Peoples of the Russian Federation, 16 Zhukovskogo St., Moscow 101000, Russia

Petr D. Sadykov, psadykov@natlang.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3502-4507>

Abstract. The second half of the last century is characterized by an increased interest in the literature of Ancient and Medieval Russia. Since the 40s, a large number of fundamental studies dedicated to various works before the time of Peter the Great have appeared. This attention was accompanied by a more thorough study of the Church Slavonic language itself: its spelling, morphology and, of course, vocabulary, as evidenced by the work begun in the 70s on compiling a dictionary of the Russian language of the 11–17th centuries. But, unfortunately, many literary monuments still remain unaddressed by scientists. This article will provide a brief overview of the linguistic features of the hagiographic work of the end of the 16th century – the story of the Vydropus Icon of the Mother of God. First of all, the article will note the stylistic features that the author of the narrative drew on, the vocabulary, morphological and syntactic specific features. All these will be compared with the changes in the language and literature taking place at that time. At the same time, hagiographic and hymnographic texts are singled out as sources, from which the authors of hagiographic works often drew meaningful material. The study of such issues allows us to present a more detailed picture of the changes taking place in Russian literature and the prevailing trends in it during the selected period. This obtains a particular significance in case the literary monument in question is understudied, because this makes it possible to introduce new information into scientific circulation.

Keywords: Church Slavonic language, vocabulary, morphology, hagiography, literature masterpieces of the Middle ages, the Vydropus icon of the Mother of God

For citation: Sadykov P. D. Linguistic features of the narrative about the Vydropus Icon of the Mother of God. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 267–272 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-267-272>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Нередко, когда речь заходит о русской литературе, прежде всего, вспоминаются произведения XVII–XX вв., древние же источники, как правило, остаются вне внимания исследователей. Большой прорыв по изучению древнерусской литературы был сделан в минувшем столетии такими выдающимися учеными, как Д. С. Лихачев, Л. П. Жуковская [1, 2] и др. Несмотря на все это, работа в данном направлении находится на начальной стадии, поскольку еще многие памятники Древней и Средневековой Руси предстоит изучить исследователям.

Анализ языковых и художественных особенностей произведения можно назвать одним из основополагающих методов изучения литературы того или иного периода, ее развития, обогащения. В данной статье рассматривается повесть о Выдропусской иконе Божией Матери, написанная в конце XVI столетия. До сих пор данный текст не становился предметом научных работ, а лишь упоминался вскользь в некоторых публикациях.

В сказании говорится о боярине из Муром, который, возвращаясь из похода на Великий Новгород, забрал из храма села Выдропуска (в настоящее время – Выдропужск, входит в состав Тверской области, тогда же относился к Новгороду) образ Божией Матери Одигитрия и перенес в церковь своего села. На протяжении всей повести автор всячески осуждает данный поступок и показывает, что он не мог остаться без последствий. После же того, как боярин дерзнул назвать богородичную икону своей пленницей, она с шумом исчезла. Лишь это заставило главного героя осознать свою вину и принести искреннее покаяние.

Стоит отметить, что до настоящего времени сохранилось небольшое количество списков этого произведения. Наиболее ранним и, скорее всего, тождественным первоисточнику можно назвать вариант, включенный в июльскую Четью-Минею иеромонаха Германа (Тулупова) 1632 г. [3]. Именно по нему будет осуществлен анализ языковых особенностей произведения. Цитаты из агиографических произведений будут транслироваться из используемых рукописей с сохранением грамматических и графо-орфографических особенностей.

В XV в. в агиографической традиции происходит возвращение к использованию в текстах витиеватых риторических конструкций, добавляющих повествованию определенную торжественность и пышность [4, с. 116]. Объясняется это стремлением авторов придать своим произведениям, восхваляющим святых и события, имеющие сверхъестественный характер, более возвышенный и сакральный с этической точки зрения вид [5, с. 155–156.]. Данная черта присутствует и в рассматриваемом произведении.

Так, в самом начале сказания автор обращается к Божией Матери, прося у нее помощи для осуществления задуманного. При этом он добавляет в данный фрагмент противопоставление Божественной чистоты и своей обремененности грехами, которая может стать препятствием для изложения чудес, произошедших с иконой: «но тѣ влѣще полрачѣннѣю дѣшѣ мою, южѣ ѿирачѣ стѣтнѣми своѣми дѣла, свѣтлаго слнца ижѣ словѣх мѣти просвѣти свѣтои иже просвѣщаѣт сѣть твою хс <...> да твоєю помочию црце возмогѣ повѣсть сѣю чюднѣю писанию предати» [3, л. 218–218 об.]. Данный отрывок напоминает византийские тексты, переполненные различными оборотами, добавляющими определенную торжественность. Достаточно вспомнить молитву из богослужбных часов «Иже на всякое время...», содержащую пространное обращение с перечислением свойств Иисуса Христа [6, с. 114].

Следует отметить: для русской агиографической литературы характерно обращение к Богу, Божией Матери или святым за помощью во вводной части произведения и указание на свою греховную скверну, малую образованность.

Например, в житии прп. Стефана Махрицкого игумен Иоасаф пишет: «Но о сем молю отческую и духовную вашу любовь. Яко да молитвою вашею поможете ми еже податимися от всемогущаго бога слову во отвержение оустъ моих, еже нѣчто написати от житія» [7, л. 306]. Связано это, прежде всего, со следующим: главной задачей авторов было передать духовный облик святого или показать роль Творца в жизни человека. Книжники были убеждены, что являются лишь орудием для написания текста, составителем же его выступает Сам Господь [8, с. 6–7].

В качестве примера риторической украшенности можно привести момент раскаяния муромского боярина после исчезновения иконы, с витиеватыми оборотами: «оухъ оуѣтъ лиѣхъ злѣкогубѣши, како нарекоухъ пленницу свокоднѣ сѣшѣ, и свокодѣвшаго ѿ вѣка вѣсь мирѣ рѣтѣмѣхъ своѣмѣхъ ѿ пленѣнѣа дѣавола иѿадовѣхъ нѣдѣрѣхъ» [3, л. 220]. В данном случае автор вспоминает дело спасения человеческого рода, произошедшее через Пречистую Деву, тем самым подчеркивая или даже усугубляя вину воина и усиливая его покаяние.

В сказании встречаются и сравнительные обороты, добавляющие поэтическую красоту повествованию.

Например, шум, сопровождавший чудесный перелет иконы, сравнивается с бурей: «вѣсть лимо ѣго шѣмѣ, іаконосимѣ дыханію вѣрнѣ» [3, л. 220 об.], а чудотворный образ уподобляется солнцу: «и оузрѣ ѿбраѣ прѣтѣе бѣты <...> столѣщѣ



на своёмъ мѣстѣ, ꙗко слнце свѣтлѣше» [3, л. 223 об.]. Сравнение с солнечным светом довольно распространено в христианской письменности, особенно в богослужебных текстах (например, в тропаре Тихвинской иконе Божией Матери: *Днесь, словно солнце пресветлое, воссияла нам* [9, с. 351]; стихире свт. Николаю Чудотворцу: *Возсия якоже солнце, твоя святителю память* [10, с. 189]).

В сказании встречается много повторов при описании одних и тех же событий. Агиограф делает уточнение о владениях боярина и добавляет: именно здесь герой и живет – «принесе ѿго въ вѣстину свою во ѿвласть мѣромскую и дѣже въ житіе ѿго» [3, л. 219 об.], хотя об этом уже упоминалось выше. Рассказывая о желании того же боярина после исчезновения образа проследовать в храм Выдропуска, автор поясняет – «идѣже ѿнъ възвѣдотворнии сѣи ѿвѣра» [3, л. 220 об.], вопреки надобности.

В тексте несколько раз описывается обречение Выдропусской иконы в местном храме. Сначала это делает автор [3, л. 220–221 об.], а потом он влагает историю в уста свидетеля и местных жителей [3, л. 219, 222 и др.]. Неоднократно говорится и о ходе похищения и перенесения в муромский храм [3, л. 222]. В данном случае наблюдается придание автором особой роли пояснениям или напоминаниям как видам особого синтаксического воздействия.

Вообще, в тексте часто встречаются авторские комментарии. Как правило, они не делают картину более полной, без их добавления смысл произведения несколько не изменился бы. Например, во фрагменте о походе государя на Новгород вносится и без того понятный факт: «понеже въто время вѣлѣ великіи новѣгѣра во своѣи вѣли» [3, л. 218].

Но в некоторых случаях подобного рода добавления агиографа служат источником дополнительных, необходимых сведений. При первом упоминании Выдропуска он замечает: «ѣже и нѣтъ многими знаємо» [3, л. 218 об.]. Благодаря данной придаточной части предложения можно предположить, что слава о происшедшем чуде широко распространилась, и спустя практически 100 лет после описанных событий народ продолжал помнить и почитать образ Божией Матери.

Имеет место употребление синонимичного ряда. Как отмечают исследователи, данный прием занимал особое место в книжной традиции того времени, поскольку «ряды синонимов взаимно обогащали понимание сущностного начала и дополняли друг друга» [4, с. 117]: «научѣ бояринѣ плакати и рыдати» [3, л. 220]. Помимо значений *плакать*, *скорбеть*, церковнославян-

ский глагол *плакати* имеет семантику *просить*, *молиться со слезами*, и поэтому употребление его вместе с «рыдати» (*плакать*, *скорбеть* [11, с. 952]) призвано подчеркнуть всю глубину раскаяния боярина, которое выразилось не только в сокрушении и плаче, но и в зове к Богу с просьбой о прощении.

В сказании находятся и однородные члены, обороты, являющиеся синонимичными. Результаты похода на Новгород автор описывает тремя тождественными друг другу по семантике конструкциями, каждая из которых свидетельствует об удачном для Ивана III финале: «хотѣнѣ дѣврѣдирѣвльшѣ, и все своѣи желаніе совершившѣ, и великіи новѣгѣра во ѿвласть свою прѣлѣша» [3, л. 219].

Встречаются и сложные слова, зачастую являющиеся кальками с греческих: «вѣголювцѣи» (θεοφιλος [12, с. 42; 3, л. 218]; «хѣтолюбиваго» [3, л. 218 об.]; «страстотѣрца» (μαρτυρ [12, с. 618; 3, л. 218 об.] и др.

Боярин неоднократно называет Выдропусскую икону пленницей: «ѿпѣи ми моленѣ полонѣнкѣ» [3, л. 219 об.], «ѿже полонѣи» [3, л. 220]; *пленница* – «та, что захвачена у неприятеля в качестве трофея» [13, с. 224]). Данное слово («полонѣнка») нередко употребляется в устном народном творчестве [14, с. 685]. Например, в песне «Было у Чечоточки девять сыновей»:

Ты скажи, скажи, *полоненочка*,
Ты коей земли ты коей ягоды,
Коего отца, коей матери? [15, с. 112].

Лексемы «полонѣнка/полонѣнинѣ» используются и в литературных произведениях (например, в «Повести о бесноватой Соломонии» [16, с. 97]), но, как правило, именно по отношению к людям. Употребление же этого слова для обозначения иконы Богородицы свидетельствует об определенной отдаленности война от церковной и духовной жизни. В данном случае можно говорить об умалении православной сакральности икон и обытовлении этих образов.

Это говорит об использовании автором произведения как разговорной, так и книжной лексики, что также является характерным для письменности того времени.

Несколько слов следует сказать о морфологии рассматриваемого произведения. Если говорить о прилагательных, то автор чаще прибегает к полным формам: «дрѣгѣи» [3, л. 221], «чюдотворнии» [3, л. 222], иначе дело обстоит с причастиями, краткие формы которых фигурируют чаще полных: «нейзрѣченѣи», «непостѣжила» [3, л. 218], «взѣмѣ» [3, л. 220 об.] и т.д. Данная особенность лишь дает характеристику отличительных черт изложения агиографа и несколько не свидетельствует о литературных веяниях того времени.



Следует рассмотреть и те формы, которые не являются исконно древнерусскими, но вошли в письменность из старославянских памятников. Например, действительные причастия настоящего времени с суффиксами *-ащ/-ащц*, *-шц/-ющ* [17, с. 11]. Первоначально они образовались от основ на *-o/-e*, а не от вторичных на *-i*: поэтому полученные на их основе прилагательные сохранили старые суффиксы (*-уц/-юц*. – П. С.). Позднее, в результате стилистического отталкивания от церковнославянских форм на *-уц/-юц*, сложилось типичное для литературного языка противопоставление по признаку «идеальное качество: конкретное проявление (его)» в коррелятивном соотношении двух форм [18, с. 381–382] – южнославянской (церковнославянской) и восточнославянской (древнерусской), например, *гремящй* и *гремящй* (при возможном также *гремящй*), *летащй* / *летащй* и *летучй* [18, с. 381–382] и т.д. В рассматриваемом тексте обозначенные причастия хотя и редко, но встречаются: *стоащщ* [3, л. 218 об.], *црѣвѣющѣмъ* [3, л. 219], *сѣющѣмъ* [3, л. 220 об.] и т.д. Помимо этого, автор прибегает к страдательным причастиям с суффиксами *-нн/-енн*: *поирачѣннѣю* [3, л. 218]; *повелѣннѣю* [3, л. 220]; *нейзречѣннѣю* [3, л. 225].

Стоит отметить: в прямой речи, чтобы передать эмоции героя, часто используются восклицания. Для этого автор прибегает к нескольким междометиям «плачущего и сетующего» [19, с. 65].

Так, когда боярин сокрушается о содеянном и обращается к Божией Матери, употребляется междометие «(Ѹ)» [20, с. 7]: «(Ѹ) прѣта дѣво <...> (Ѹ) великое чюдѣо» [3 л. 224]. Употребляется оно в соответствии с правилами грамматики – со звательной формой. Данное междометие часто встречается в молитвах и гимнографических текстах при обращениях к Творцу, Божией Матери или святым, например в молитве к Богородице: «О пренепорочная и преславная божиа мати» [6, с. 251].

Имеет место и междометие с зависимыми словами, указывающее на состояние горя «оувы» [11, с. 1124] («оувы миѣ слѣсогрѣши» [3, л. 220]), которое употребляется с дательным падежом. Оно тоже часто используется в молитвенных покаянных воззваниях и агиографических произведениях [21, с. 153], например в богородичне первого гласа: «Оувы мне что буду» [6, с. 274]. Встречается и такое междометие, как «оухъ» [3, л. 220], стоящее также со словом в дательном падеже.

Саму форму изложения повествования можно назвать довольно примитивной. В тексте преобладают простые односоставные предложения. Относительно редко встречаются и сложносочи-

ненные, что является показателем склонности автора к разговорному языку. Как правило, они соединяются при помощи следующих союзов: чаще всего соединительного «и» («и принесе ѿго въ вѣтчинѣ свою» [3, л. 219 об.]); реже противительных: «но» («хощѣ вѣмѣ вѣлюбцам повѣдати <...> но ты вѣуце <...> дѣш мое <...> просвѣти [3, л. 218]) и «а» («иснесе ю вѣромскѣ вѣласть всею своею. а дрѣи ѡбраꙗ с нею пришешь» [3, л. 221; 22, с. 411–412]).

Сложноподчиненные предложения можно разделить по функциям придаточных на следующие: придаточное определительное – «идѣже» («до цркви стѣго великомѣника хѣа георгіи идѣже ѡнъ въз <...> ѡбраꙗ [3, л. 220 об.]); причины – «ѣко» («члѣтъ <...> пономарьскѣю слѣжѣв ѣмѣще <...> и кадити въ цркви стѣща тѣ иконѣ . ѣко послѣ вѣнѣ стѣтого, іерію несѣщѣ тѣ оу цркви» [3, л. 221]); цели – «давѣ» («имолѣше ѿго, давѣ послѣшалѣ ихъ» [3, л. 223 об.]); условия – «аще» («неѡврати лица своего ѡ мене <...> аще ѣнедостѣнѣе ѣтъ» [3, л. 224]).

Отдельное внимание следует обратить на относительные местоимения «иже – ѣже – ѣже», нередко используемые в рассматриваемой рукописи. Данные единицы появились в церковнославянском языке вследствие того, что у равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия «возникла необходимость в специализированных средствах, которые организуют структуру словосочетаний и предложений» [23, с. 35].

Исследователи пишут: со временем, уже после XIII столетия, книжники стали отказываться от употребления обозначенных лексем, так как последние являлись излишними и отделяли зависимое слово от главного [24, с. 107]. Но когда создавалась рассматриваемая повесть, для авторов важнее была не грамматическая чистота, а сущность понятия [25, с. 300], поэтому данные местоимения употреблялись часто. При этом нередко составители предпочитали их причастным оборотам. Т. П. Рогожникова это объясняет следующим образом: «Такая конструкция служила более точной передаче смысла, нежели традиционный причастный оборот» [25, с. 301].

В повести присутствуют обороты с двойным именительным падежом, заимствованные из греческой грамматики [26, с. 635–636]. Конструкция «двойной именительный» включает в себя два именительных падежа, «первый из которых обозначает лицо или предмет, второй – состояние, в котором он находится» [27, с. 108]. Например, «просвѣщаѣтсѣ твои хѣ свѣтъ ѣстинни» [3, л. 218 об.], «ѣтъ сѣло зовѣмо въдрѡнѣжъ» [3, л. 218 об.] и др.

Обороты с «двойным винительным» и «двойным дательным» в повести отсутствуют.



Стоит отметить, что последний в целом крайне редко используется авторами новозаветных книг и церковнославянских текстов [27, с. 132].

Как отмечает Т. П. Рогожникова, в произведениях XVI столетия «дательный самостоятельный», как правило, имеет роль «придаточных времени, причины, уступки, следствия, условия, сравнения, дополнения» [25, с. 271–272]. Из повести о Выдропусской иконе Божией Матери можно привести такие примеры: «кнѣзю <...> всѣмъ воѣмъ и хотѣніа дѣвѣкѣсправльшѣ, и все своѣмъ желаніе совершишѣ» [3, л. 219].

Необходимо обратить внимание и на то, что текст повести написан русским полууставом XVII в., для которого характерны простота, отсутствие букв с узелками, усиками, хвостами, вытянутыми и широкими верхними частями [28, с. 133]. В то же время в повести о Выдропусской иконе Божией Матери автор использует слова с диакритическими знаками. Их употребление соответствует традиции полуустава XVII в., описанной В. Н. Щепкиным [28, с. 134]. При этом четкая систематизация и последовательность в употреблении надстрочных текстов в исследуемой рукописи отсутствует.

Орфография рукописи соответствует принятой в то время. В тексте есть буквы, которые возвращаются в обиход вследствие происходящих в правописании изменений. Так, в греческих словах используются графемы «ф» (фита), «v» (ижица), «w» (омега) [20, с. 7–10]: «ἀκάφιστѣъ, εὐλίε, γεόργіі». Единожды употребляется слово с буквой «з» (зелю), также отсутствовавшей в книжном обиходе до XIV столетия: «злѣсогрѣши» [3, л. 220]. При этом «w» (омега) не употребляется на конце наречий, как это принято в современной церковнославянской орфографии [20, с. 8].

Еще можно назвать употребление в рукописи «і» перед гласной вместо «-и», «-ы» вместо «-ѣі»: «плєнііа» [3, л. 220], в начале слова пишется «оу»: «оутрѣ» [3, л. 220 об.], а в середине или конце «-8»: «выдропѣска» [3, л. 220 об.] и т.д. [28, с. 129–131].

Есть и случаи употребления «а» (азь) после гласного вместо «а» ((и)я) подобно тому, как это делалось в болгарской и русской орфографии XI–XIII вв. [28, с. 130]. Данная новация, по свидетельству Б. А. Успенского, продержалась в церковнославянском языке лишь до окончания второго южнославянского влияния. Но исследователь отмечает: несмотря на это, в некоторых примерах продолжали использовать сознательно именно такое правописание, как правило, для маркировки архаизма. В качестве примера он приводит слово «всѣа» из титулов русских царей и предстоятелей Церкви [29, с. 308]. В анализируемой же рукописи книжник пишет как «а», так

и «а» (нос малый): «всѣа рѣсі» [3, л. 219], «всѣа рѣсіи» [3, л. 218 об.], титул же государя пишет всегда полностью.

Таким образом, текст повести выдержан в простом стиле. С одной стороны, в нем отражены литературные традиции того времени (например, распространенные в XVI столетии риторические обороты, добавляющие красоту и витиеватость повествованию), с другой – превалируют простые предложения и конструкции.

Встречается немалое количество лексем, относящихся к разговорной речи, междометий, используемых в ней. Главное, что нужно здесь отметить, рассматриваемый литературный памятник отражает наметившийся в то время постепенный отход от строгого канона для подобного рода текстов. Орфографические же особенности отражают стихийную русификацию церковнославянского правописания, происходящую в то время.

Помимо этого, близость сказания к разговорному языку объясняется его бытовой темой. В отличие от иных произведений подобного жанра, данное посвящено не иконе Божией Матери и исходящим от нее чудесам, а конкретному случаю из жизни боярина, духовность и церковность которого, скорее всего, далеко не были предметом для подражания. Все это характеризует происходящие изменения в мировоззрении людей того времени: церковная составляющая постепенно отходит на второй план, а литература все больше становится светской.

Список литературы

1. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы : в 3 т. Т. 1. Л. : Художественная литература, 1987. С. 261–654.
2. Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й половины XV – 1-й половины XVI вв. (об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому : сб. ст. / отв. ред., авт. предисл. Л. П. Жуковская. М. : Наука, 1987. С. 144–176.
3. РГБ. Ф. 304. № 679. Л. 218–226.
4. Камчатнов А. М. История русского литературного языка : XI – первая половина XIX вв. : учеб. пособие. М. : Академия, 2015. 624 с.
5. Кусков В. В. История Древнерусской литературы : учебник. 7-е изд. М. : Высшая школа, 2003. 336 с.
6. Часослов. М. : Издат. совет Русской Православной Церкви, 2020. 288 с.
7. РГБ. Ф. 304/1. № 679. Л. 303–335.
8. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М. : Академика, 2015. 512 с.
9. Минея. Июнь. Ч. 2. М. : Издат. совет Русской Православной Церкви, 2011. 616 с.



10. Минея. Декабрь. Ч. 1. М. : Издат. совет Русской Православной Церкви, 2011. 606 с.
11. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : труд И. И. Срезневского : в 3 т. Т. 3. СПб. : Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1906. 513–1024 стб.
12. Русско-греческий словарь, составленный Иваном Синайским. Изд. 2-е, исправ. и доп. М. : Университетская типография (Катков и К°), 1869. 730 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б) / сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Е. Н. Прокопович [и др.]. М. : Наука, 1975. 372 с.
14. Большой академический словарь русского языка. Т. 18. СПб. : Наука, 2011. 772 с.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 29. СПб. : Наука, 1995. 346 с.
16. Христофорова О. Б. «Повесть о бесноватой Соломонии» : мифологические контексты и параллели // Фольклор : структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3, № 1. С. 94–127. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2020-3-1-94-127>
17. Маршева Л. И. Церковнославянский язык. Причастие. Теоретический очерк. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 80 с.
18. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка : учебник. СПб. : СПбГУ, 2010. 512 с. (Русский мир : учебники для высшей школы).
19. Кондратьев Ю. А. Церковнославянский язык. Морфология : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Реноме, 2015. 88 с.
20. Маршева Л. И. Орфография церковнославянского языка. Теоретический очерк. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 56 с.
21. Коломейченко С. В. Стиль «Жития Стефана Пермского» : дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2012. 261 с.
22. Маршева Л. И. Славянские соединительные союзы в историческом аспекте // Сретенский сборник. Вып. 5. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2014. С. 407–416.
23. Маршева Л. И. Церковнославянский язык. Местоимение. Теоретический очерк. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 64 с.
24. Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). М. : Языки русской культуры, 2001. 400 с. (Studia Philologica / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова).
25. Рогожникова Т. П. Язык житийных текстов конца XV – середины XVI вв. (на материале «Макариевского цикла») : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 347 с.
26. Маршева Л. И., Протасова А. В. Характер связи компонентов в оборотах с двойными падежами в церковнославянском языке (исторический аспект) // Сретенский сборник. Вып. 7–8. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2017. С. 635–670.
27. Жирова А. В. Обороты с двойными падежами в церковнославянском языке (синхронно-диахронный анализ) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 252 с.
28. Щепкин В. Н. Русская палеография. М. : Наука, 1967. 224 с.
29. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М. : Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 22.03.2022; approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 06.05.2022